

Последний областник: Г.И. Жерновков на просторах революции и в тупиках власти

К столетию двух революций 1917 г. историки рассказывают о все новых и новых именах интеллигентов из стана российской демократии, которых первая революция – Февральская – подняла к вершинам общественного признания, а вторая – Октябрьская – низвергла в пучину несчастий, а в конечном итоге, в процессе развития своих принципов, окончательно уничтожила. К числу таких незаурядных личностей, вписавших строку в историю страны, относится сибиряк Григорий Иванович Жерновков.

Как ни пыталась тоталитарная власть стереть из общественной памяти заслуги названного человека, до конца это не удалось. Еще бы! Единственный в дореволюционном Новониколаевске «настоящий», известный на всю Сибирь областник – и единственный из областников, кто вместе с товарищами создал в Сибири политическую партию областнического толка. Последовательный сторонник сибирской автономии, патриот Сибири, блестящий публицист, известный юрист, один из создателей Новосибирского областного краеведческого музея, энтузиаст культуры и просвещения. Обращаясь сегодня к его работам вековой давности, историки отмечают цельность и продуманность федералистской концепции Г.И. Жерновкова, значение его идей для политологической науки начала XX в.

Но документов о деятельности Г.И. Жерновкова так много, что о нем можно писать не только статьи, а целую книгу. Кроме двух личных дел студента (Казанского и Томского университетов) имеется обширная переписка о Жерновкове, отложившаяся в недрах жандармского и полицейского ведомств. В архивном фонде Новониколаевской городской думы, гласным которой Григорий Иванович являлся до ее разгона большевиками в 1918 г., его фамилия встречается на каждом шагу. В документах Сибирской комиссии по истории большевистской партии (Сибистпарта) имя Г.И. Жерновкова, как участника революционного, а затем либерально-оппозиционного движения в конце XIX – начале XX в. также упоминается неоднократно². Материалы Жерновкова встречаются также в архивных документах Общества изучения Сибири и ее производительных сил³, а

личные дела и другие документы имеются в фондах новосибирских организаций, в которых Жерновков в свое время работал (в частности, личное дело в фонде Сибгосторга). Главным же хранилищем документов Г.И. Жерновкова в государственном ведомстве является личный архивный фонд Д-38 (Г.И. Жерновков) в Государственном архиве Новосибирской области. В фонде подобраны 163 архивных «дела».

Но этим список документального наследия Григория Ивановича не исчерпывается. Сотни листов подлинных документов и целые единицы делопроизводства юриста Г.И. Жерновкова к сегодняшнему дню находятся в частных руках. Связано это с нашумевшей историей сноса дома Г.И. Жерновкова, который до 1970 г. (называют также даты: 1971 и 1972 гг.) находился в Новосибирске в пойме р. Каменки. Когда по решению городских властей пойму решено было залить, а дома по ее краям снести, на улице оказались буквально ворохи документов личного архива Г.И. Жерновкова, которые с момента его ареста в 1938 г. хранились в разломанном доме. Свидетели говорят (можно ли им верить?), что бумагами Г.И. Жерновкова стали даже торговать на базаре, предлагая их для обертки. Всполошилась вся краеведческая общественность Новосибирска. К бесхозному архиву поспешили ведущие краеведы города, некоторые из них забрали тогда (и тем самым спасли) многие и многие бесценные бумаги о жизни дореволюционного Новониколаевска и о судьбе бывшего владельца архива. Как это бывает у коллекционеров, артефакты затем неоднократно менялись, перепродавались, и в результате в настоящее время немалое количество документов из архива Жерновкова находится в распоряжении нескольких собирателей краеведческой старины. Часть архива Г.И. Жерновкова хранится, например, у известного новосибирского антиквара и библиофила С.А. Савченко (в настоящей статье используются две тетради дневника Г.И. Жерновкова за 1937 г., хранящиеся в этом собрании). К счастью, в Новосибирске нашелся человек, поставивший своей задачей целенаправленный сбор документов Г.И. Жерновкова, разбросанных по частным хранилищам. Перипетиями жизни Жерновкова страстно заинтересовался коллекционер и краевед Ю.А. Мамонов, сумевший путем приобретения подобрать у себя значительную коллекцию архивных бумаг Г.И. Жерновкова, сопоставимую, пожалуй, с объемами фонда Д-38 в ГАНО.

Собственник архива любезно разрешил автору данной статьи сделать ксерокопии со многих документов, ссылки на них приводятся в статье.

Георгий Иванович Жерновков родился 1 февраля (20 января по старому стилю) 1876 г. в селе Лебеди (Лебедевском) Кузнецкого уезда Томской губернии. В 1930-е гг. это село перешло в состав Титовского района Западно-Сибирского края, а затем Новосибирской области⁴. Отцом будущего областника был священник Иван Иванович Жерновков, служивший тогда в приходе этого села. В дальнейшем И.И. Жерновков с семейством обосновался в крупном селе Коурак, ныне Тогучинского района Новосибирской области, и оставался здесь до конца жизни. Иван Иванович окончил в 1862 г. в Томске духовное училище, по своим стопам он хотел направить и сына. Кстати, дедом Г.И. Жерновкова был церковный псаломщик, так что, пойдя Жерновков-младший по пути отца, можно было бы говорить о династии священнослужителей. Но случилось по-другому. Окончив в 1896 г. Томскую духовную семинарию, Г.И. Жерновков не пошел на службу в духовное ведомство (за отказ от профессии ему пришлось заплатить семинарии 142 рубля в возмещение убытков по его обучению). Юный Григорий Жерновков поступил в августе 1896 г. на медицинский факультет Императорского Томского университета. Спустя год он разочаровался в профессии врача и попросил перевести его на юридический факультет Императорского Казанского университета. Министерское начальство дало разрешение и с осени 1897 г. студент Г.И. Жерновков принялся усиленно штудировать правовые дисциплины в далеком от родных пенат учебном заведении⁵. Но и здесь его ищущую натуру что-то не устраивало. Он просит министра народного просвещения вновь перевести его, на этот раз в Санкт-Петербургский университет. 18 декабря 1898 г. он, получив разрешение от инспектора студентов Казанского университета, уезжает в Петербург и находится там до 10 января 1899 г. Но министр отклонил ходатайство студента, и Григорий возвращается в Казань⁶. Но общение с революционным студенчеством Петербурга не прошло даром. 21 февраля 1899 г. Григорий Жерновков участвует в секции протеста казанских студентов против произвола полиции, разогнавшей в Петербурге студенческий митинг. Из секретного донесения казанской полиции явствует, что Жерновков «был 21 февраля в толпе студентов Ветеринарного института и университета, собравшейся после благотворительного спектакля в пользу студентов того института. Толпа эта

производила митинг около театра, а затем направилась к университету. На убеждения полиции разойтись она не обращала внимания, почему и была окружена полицией». По отвержению инспектора Ветеринарного института, Жерновков «более других подстрекал толпу, в которой он находился, к беспорядкам и призывам не слушать полицию. Кроме того, на убеждения полиции прекратить беспорядки наносил ей оскорбления словами»⁷.

Через два дня, 23 февраля 1899 г. студент Г.И. Жерновков подал на имя ректора Казанского университета прошение, тон и содержание которого говорят сами за себя. «Желая присоединить себя к той половине интеллигентного русского общества, человеческое чувство которого оскорблено и возмущено бесчеловечной, зверскою расправой Петербургской жандармерии с беззащитной публикой, – писал Жерновков, – покорнейше прошу, Ваше Превосходительство, исключить меня из числа студентов Казанского университета»⁸. 24 февраля 1899 г. он был отчислен из состава студентов.

Вскоре жизнь заставила юного бунтаря пойти на компромисс с властью. 2 марта 1900 г. было изготовлено свидетельство о пребывании Г. Жерновкова в университете, но придя по вызову в канцелярию по студенческим делам, Жерновков получать эти документы отказался, заявив, что он «ходатайствует о зачислении его в число студентов снова». 15 июня 1900 г. студент Жерновков, сдав полукурсовой экзамен, был вновь принят на юридический факультет, и продолжил образование. 13 октября 1900 г. он дал подписку («честное слово») ректору университета не участвовать в студенческих беспорядках⁹.

Но... аппарат управления царской России страдал, по выражению В.И. Ленина, «идиотской болезнью» либерализма. Фрондирующий студент мог сколько угодно играть с властями в «кошки – мышки»: обещать исправиться, затем вновь заняться революционной работой, вновь быть изгнанным, снова раскаяться и попроситься в университет и т. д. 11 марта 1901 г. Г.И. Жерновков, нарушая обещание, вновь участвовал «в демонстрации на Воскресенской улице, за что был арестован и впоследствии по распоряжению г. министра внутренних дел удален из Казани», то есть административно выслан¹⁰. О демонстрации было доложено министру внутренних дел, от которого ждали решения о дальнейшей судьбе демонстрантов. Министр постановил «дело в отношении г. Жерновкова прекратить с предоставлением вопроса о дальнейшей его участи ближайшему усмотрению

учебного начальства». По постановлению Правления Императорского Казанского университета Г.И. Жерновков был принят обратно на 3-й курс юридического факультета, с дозволением осенью 1901 г. держать экзамен на следующий курс¹¹.

Вновь подписка с «честным словом»¹² и снова – ее нарушение. 15 февраля 1902 г. Г.И. Жерновков «присутствовал на студенческой сходке в 10 аудитории» университета (по некоторым данным – председательствовал), за что Правлением в тот же день был уволен «без обратного поступления в Казанский университет, но без воспрещения поступления в другие университеты»¹³.

Удивительно, но Григорий Иванович ни в студенческие годы, ни позднее, не принадлежал ни к одной из известных в России революционных партий. Он не был ни социалистом-революционером, ни социал-демократом, ни народным социалистом, ни анархистом. Жерновков представлял собой тип беспартийного революционера, сторонника «общедемократической» борьбы против русской монархии.

После изгнания из Казанского университета Г.И. Жерновков был выслан полицией в Симбирск, откуда он в сентябре 1902 г. эмигрировал в Париж. До августа 1903 г. Григорий учился во Франции в Высшей русской школе обществоведения и естественных наук. Осенью 1903 г. он вернулся в Россию и приехал в Томск, где поступил на службу юрисконсультom в Управление сибирских железных дорог. Имея за плечами три курса юридического факультета в Казани, Жерновкову удалось поступить на аналогичный факультет Томского университета, который он и окончил в 1906 г. Революционная стихия не оставляла Г. Жерновкова и в Томске: в конце 1905 г. он был уволен со службы на железных дорогах как член забастовочного комитета. В марте 1906 г., получив университетский диплом, 30-летний юрист уехал в Новониколаевск – город, с которым будет связана вся его дальнейшая жизнь. Новое место жительства встретило его ... очередной полицейской акцией. Почти сразу после прибытия Жерновков был подвергнут обыску, как участник революционного движения.

Первая работа Г.И. Жерновкова в Новониколаевске была связана не с юридической практикой, а с журналистской. Ровно в это время известный в городе врач и предприниматель, владелец типографии Н.П. Литвинов затевал издание первой новониколаевской газеты, получившей название «Народная летопись». Первый номер газеты появился из печати 12 апреля (30 марта по старому стилю)

1906 г. Между прочим, в программной статье первого номера редакция писала, что ее главной задачей является «защита интересов трудящегося крестьянского и рабочего населения, защита человеческих прав, защита униженных и оскорбленных». Г.И. Жерновков принял в издании газеты живейшее и самое широкое участие, с первого же номера «Народная летопись» запестрела его статьями и заметками, которые он подписывал не только полной фамилией, но и псевдонимами и криптонимами: Гр. Иванович, Г. И-ч, Г. Ж. и др. На разгон царизмом 3 июля 1906 г. Первой Государственной думы России Г.И. Жерновков ответил статьей «Государственный переворот».

После закрытия властями «Народной летописи» Н.П. Литвинов издавал в Новониколаевске еще много газет: «Сибирская речь», «Обь», «Голос Оби», «Обская жизнь», «Алтайское дело», «Сибирская новь» – и во всех них журналист Г.И. Жерновков принимал активное участие. Он был, например, фактическим редактором второй по счету литвиновской газеты «Сибирская речь» (издавалась в 1907 г.). Характерно, что в редакционной статье первого номера «Сибирской речи» наряду с обещанием, что газета «будет стоять» на страже общенародных интересов, руководствуясь той исторической правдой, которая не диктуется сверху», содержится мысль, что в публикациях газеты будет уделяться особое внимание вопросу «об организации областного самоуправления Сибири», то есть областнической программе. После публикации в № 4 статьи Жерновкова «Хлеб и свобода» редакция объявила сбор пожертвований в пользу голодающих Российской империи. В ежедневной газете «Обская жизнь», выходящей в 1909-1912 гг. под редакторством социал-демократа А.Г. Новицкого и фактически являвшейся явочной квартирой Обской группы РСДРП, Г.И. Жерновков помещал крупные проблемные статьи об экономике Новониколаевска и деятельности биржевого комитета, о необходимости выделения в составе Томской губернии самостоятельного Новониколаевского уезда и т. п. Осенью 1910 г., вступив в спор о том, в каком городе Сибири следует открыть первый за Уралом сельскохозяйственный вуз, Г.И. Жерновков аргументированно отстаивал кандидатуру Новониколаевска¹⁴. В сентябре 1912 г. Н.П. Литвинов и Г.И. Жерновков помещали в «Обской жизни» свои публицистические и агитационные статьи в связи с выборами в Государственную думу. Оба были тогда организаторами предвыборной кампании (руководили собраниями избирателей,

выдвигались в губернские выборщики). Их довольно жесткие публикации («Предвыборные настроения», «Правда о “правых”») и т. д. были направлены против активизировавшихся во время выборов новониколаевских представителей черносотенного Союза русского народа.

Начавшиеся в эти годы сотрудничество, а затем и дружбу с Н.П. Литвиновым Г.И. Жерновков пронес через всю жизнь. Новониколаевцы и тогда и много позднее воспринимали Григория Ивановича не иначе как верного соратника Литвинова, помощника и первого работника во всех литвиновских начинаниях. С другой стороны, покровительство со стороны харизматического лидера новониколаевской общественности и одного из ведущих предпринимателей города позволило Г.И. Жерновкову довольно безболезненно и быстро войти в среду городской элиты, получить должность присяжного поверенного Омской судебной палаты, реализовать личные планы и замыслы. По-видимому, Г.И. Жерновков влиял на Н.П. Литвинова в идейном отношении, «делая» из него областника.

Обосновавшись в Новониколаевске, Г.И. Жерновков развернул областническую пропаганду в масштабах Сибири и даже страны. Он публикует свои статьи не только в местных, но и томских газетах («Сибирская жизнь» и др.), а также в томском журнале «Право и финансово-промышленная жизнь Сибири», в котором он становится членом редколлегии. С 1907 г. Г.И. Жерновков является постоянным автором журнала «Сибирские вопросы», начавшего выходить в Петербурге. Здесь публикуется, в частности, его программная областническая статья «Сибирь и правительство» (1907), которая в тот же год была переиздана Н.П. Литвиновым в своей типографии отдельным изданием¹⁵. В «Сибирских вопросах» Г.И. Жерновков публикует также (под псевдонимом «Г. Иванович») статью об административных и цензурных притеснениях сибирской прессы¹⁶.

В работе по своей специальности – адвоката – Г.И. Жерновков вполне преуспевал. Начав в 1907 г. как помощник присяжного поверенного, в 1913 г. он стал присяжным поверенным Омского окружного суда. О кипучей деятельности юриста Г.И. Жерновкова говорят сохранившиеся десятки судебных дел, в которых Жерновков участвовал как сторона защиты¹⁷. Одним из приоритетов Г.И. Жерновкова как юриста являлась защита и представительство в суде интересов Н.П. Литвинова по его доверенности. Это было связано не только с хозяйственной

деятельностью Н.П. Литвинова, но и обвинениями его и журналистов литвиновских газет в клевете на представителей новониколаевской реакции¹⁸.

В 1909 г. Г.И. Жерновков был избран гласным Новониколаевской городской думы и оставался на этом общественном посту до 1914 г. За пять лет думского срока Григорий Иванович показал себя деятельным членом городского самоуправления. Все его архивы забиты документами, рисующими те многочисленные проблемы, которые Жерновков решал, как городской гласный. Сохранились приглашения во всевозможные комиссии, на экстренные заседания и совещания городской думы, заявления граждан, таблицы сборов с населения (например, раскладка сборов на содержание ночной охраны г. Новониколаевска), списки городских усадебных участков, даже наставление к посадке деревьев на Обском и Новониколаевском проспектах или сведения о заготовке бревен и вывозе их на берег Оби. С 1915 г. постоянно попадаются документы Г.И. Жерновкова, касающиеся его членства в Новониколаевском военно-промышленном комитете. Многие бумаги экономического характера – докладные записки думе, обзоры, таблицы, расчеты, черновики решений – написаны рукой самого Григория Ивановича.

Общественная деятельность Г.И. Жерновкова в эти годы, казалось, не знала границ. Он являлся активным членом Общества попечения о народном образовании Новониколаевского уездного отделения Общества взаимного вспомоществования учащимся и учившим (т.е. педагогам – *А.П.*) Томской губернии, Обского общества сельского хозяйства, с 1914 г. состоял членом комитета Новониколаевского отдела Сибирского общества по оказанию помощи раненым воинам. В 1912 г. Жерновков стал одним из организаторов и деятельным участником Новониколаевского отделения Общества по изучению Сибири и улучшению ее быта¹⁹. С особым старанием Григорий Иванович исполнял обязанности члена родительского комитета 1-й женской гимназии Новониколаевска – здесь училась его старшая дочь. Семейная жизнь Г.И. Жерновкова протекала в собственном доме по ул. Асинкритовская, 46. Вместе с отцом семейства здесь жили его жена Александра Макаровна (1877 г.р.) и три дочери: Клавдия (1907 г.р.), Галина (1908 г.р.) и Татьяна (1913 г.р.).

В 1912 г. Г.И. Жерновков неожиданно увлекся занятием, которое много позднее, на закате жизни превратится в его постоянную профессию – он начал

разводить на приусадебном участке плодово-ягодный сад²⁰. Увлечение оказалось столь сильным, что в 1916 г. Жерновков вступил членом во Всероссийское Общество городов-садов (членский билет этого общества имеется среди архивных документов Жерновкова).

Февральская революция 1917 г. окрылила революционера и общественного деятеля Г.И. Жерновкова. Он видит в революции прежде всего шанс реализации областнических идей об автономии Сибири. Распропагандировав Н.П. Литвинова, Жерновков и его друг, тоже сотрудник литвиновских газет, писатель И.Я. Абрамович провозглашают создание в Новониколаевске первой и единственной в стране областнической партии – Сибирского союза независимых социалистов-федералистов. Н.П. Литвинов становится председателем Новониколаевского бюро этого союза²¹. Н.П. Литвинов, сменивший название своей дореволюционной газеты «Алтайское дело» на «Свободную Сибирь», сделал эту газету рупором новой партии и сам озвучивал через нее областнические мысли²². Впрочем, через пару месяцев, видя отсутствие массового интереса сибиряков к областнической идеологии, Н.П. Литвинов разочаровался в партии, газету «Свободная Сибирь» закрыл и в мае 1917 г. продал свою типографию Союзу сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт». На выборах 1917 г. в городскую думу Союз областников-федералистов потерпел поражение и фактически распался.

Г.И. Жерновков в это время полон буйных освободительных мыслей о будущем Сибири и вообще о переустройстве народной жизни. Совершенно неожиданные карандашные заметки Жерновкова автор данной статьи нашел на обложке служебного документа Григория Ивановича – «Смете расходов г. Новниколаевска на 1917 г.». Записывая ход своих мыслей, по-видимому, после какой-то полемики с бывшим городским головой А.Г. Бесединым (его имя упоминается в записях), Г.И. Жерновков возмущается однобокостью и серостью лозунгов существующих в России партий (в том числе, очевидно, социалистических), которые все цели революции сводят к материальным задачам, не видя духовных перспектив возвышения человека. «Сводить [все] к экономическому элементу, – пишет Жерновков торопливым мелким почерком, – значит принижать, узить тему. Загородить от взора красоту космоса и в этих рамках – красоту человека – доктринёрским забором, на котором размалевана

партийная афиша. Вместо красоты жизни – экономические задачи и достижения, вместо самоцели – человеческой жизни, космоса – предоставлять средства»²³.

Партийной однолинейности других политических сил, вышедших на поверхность общественной жизни после революции, Г.И. Жерновков противопоставляет свою концепцию федеративного областнического устройства Сибири. Большая концептуальная статья Жерновкова «Сибирская областная федерация (Опыт схематического построения Сибирской федерации)» была опубликована осенью 1917 г. в Красноярском областническом журнале «Сибирские записки» и одновременно выпущена издательством журнала отдельной брошюрой²⁴. По оценке современного исследователя, идеи, закрепленные в концепции Г.И. Жерновкова (который предлагал создать Сибирский Союз Вольных Штатов), «несомненно, представляют научный интерес не только как политический документ, но и как чисто юридическая модель федерации»²⁵. Своего рода признанием областнических заслуг Г.И. Жерновкова стало избрание его 15 октября 1917 г. в состав Сибирского областного исполнительного комитета на Первом Сибирском областном съезде в Томске.

О том, с каким настроением Г.И. Жерновков встретил Октябрьскую революцию, архивы сведений не содержат. Скорее всего, большевистский переворот ему, как и подавляющему большинству демократической интеллигенции, не понравился. Бессистемное и неосмысленное хозяйничание большевиков в Сибири в период так называемой «первой советской власти» (с ноября 1917 по май 1918 г.) тоже не внушало интеллигентам энтузиазма. Но Н.П. Литвинов и Г.И. Жерновков сразу же отказались от активного противодействия новой власти. Уйдя от политической борьбы, Н.П. Литвинов углубился в другую область, которую тоже считал делом своей жизни. Как медицинский работник (с образованием фельдшера) он еще до революции много потрудился над организацией на Алтае курорта «Арсан» или «Рахмановские ключи», расположенного в живописной местности близ Лебяжинской и Сросткинской лесных дач (ныне Рубцовского района)²⁶.

В марте 1918 г. Н.П. Литвинов, бывший гласный Новониколаевской городской думы, присяжный поверенный И.И. Изосимов, Г.И. Жерновков и несколько других друзей и знакомых создали кооператив по эксплуатации курорта, назвав его «Первое Сибирское кооперативно-трудовое товарищество» по

устройству лечебных мест Сибири «Трудкурорт»). В апреле – мае 1918 г. велась интенсивная организационная работа товарищества, причем, как можно предположить на основании сохранившихся документов, компаньоны товарищества даже жили на указанном курорте, уехав из Новониколаевска. 3 июля (20 июня) 1918 г. Г.И. Жерновков был избран на заседании Правления «Трудкурорта» юрисконсультom Правления²⁷.

Свержение большевиков и приход к власти белогвардейцев летом 1918 г. тоже не вызвал сильных эмоций в кругу друзей Н.П. Литвинова. Живя то в Новониколаевске, то на курорте «Арсан», они продолжали сторониться политики. В отчетной статье Г.И. Жерновкова о деятельности «Трудкурорта» (ноябрь 1918 г.) нет ни слова о кипевших вокруг политических страстях²⁸. Единственный документ, позволяющий говорить о том, что Литвинов и Жерновков пытались договориться с белогвардейцами о поддержке курортного дела Литвинова, является черновик докладной записки (написанный от имени Г.И. Жерновкова его рукой) в военное ведомство Временного Сибирского правительства. Записка начинается словами: «В период временного пребывания уполномоченных сибирского правительства в г. Новониколаевске (т.е. в июне 1918 г. – *А.П.*) наше товарищество «Трудкурорт» получило сведения о существовании специального инвалидного капитала по призрению семей инвалидов в размере до 5 миллионов рублей, каковой капитал находится в распоряжении Временного правительства». Далее Г.И. Жерновков от имени товарищества предлагал услуги курорта «Арсан» для лечения и реабилитации инвалидов, для чего просил от белогвардейского правительства деньги и приводил смету на организацию курортных работ. Представителю военного ведомства для контроля за расходованием средств предлагалось войти в ревизионную комиссию товарищества. В верхнем углу черновика записана фамилия эмиссара правительства, с которым, по-видимому, велись (или предполагалось вести) какие-то переговоры: «Фомин Нил Валериан[ович]»²⁹. Никаких последствий эта наивная просьба, разумеется, не имела.

В творчестве Г.И. Жерновкова как литератора белогвардейский период отмечен только выходом популярной брошюры «На заре сибирской истории», в которой исторические события, начиная от Ермака, изложены в соответствии с областническими взглядами³⁰.

После окончательного установления в Сибири советской власти пути Н.П. Литвинова и Г.И. Жерновкова несколько разошлись: Литвинов остался работать на курорте «Арсан» (он вернется в Новосибирск только в 1926 г.), а Жерновков вернулся в 1920 г. в Новониколаевск. Не запятнав себя сотрудничеством с «белыми» режимами, он смог легко устроиться на советскую службу. 15 апреля 1920 г. уездный отдел народного образования пригласил Г.И. Жерновкова на должность заведующего отделом социального воспитания. Но, придя в систему Наркомпроса, Григорий Иванович занялся другим интересным делом, ставшим на несколько лет его призванием. Он становится музейным работником только что созданного в Новониколаевске городского музея, открытого 3 августа 1920 г., организатором и первым директором которого был известный в музейном мире специалист В.А. Анзимиров. Г.И. Жерновков получает при нем пост заведующего социально-экономическим отделом и председателя Совета музея³¹. В этой должности он работал до мая 1921 г., занимая одновременно профсоюзный пост – члена правления Союза просвещенцев. В 1922 г. Жерновков уходит из музея на должность консультанта-экономиста по районированию Сибири в Сибгосплане и Сибревкоме. Но вопросы музейной и краеведческой работы не снимаются с его повестки дня³². В Сибгосплане он разрабатывает и активно продвигает в 1922-1923 гг. проект создания в Новониколаевске Сибирского областного (т.е. всесибирского – *А.П.*) музея промышленности и сельского хозяйства. Рукой Жерновкова написаны черновик «Положения» о Сибирском областном музее народного хозяйства. Но... дальше обсуждения на заседании Президиума Сибревкома 19 июня 1923 г. и создания комиссии по разработке вопроса о музее дело не пошло.

В первый год своей советской службы Г.И. Жерновков занимается и другими характерными для эпохи делами. В 1920 г. он, по-видимому, имел какое-то отношение к организации и работе литературно-творческой студии Новониколаевского народного университета: в коллекции собранной Ю.А. Мамоновым имеется несколько анкет студийцев – начинающих литераторов. Другая подборка документов из этой же коллекции окунает нас в суровую реальность начала 1920 г. Это еженедельные таблицы учета граждан Новониколаевска, работавших при военном городке по рытью могил и уборке трупов за март 1920 г. Г.И. Жерновков, судя по всему, был как-то причастен к этому печальному труду.

В марте 1923 г. уходит с работы экономиста в отделе управления Сибревкома и поступает на службу юрисконсульта-экономиста Сибуглесиндиката. Дальше места его работы меняются как в калейдоскопе. С февраля 1924 г. он – заведующий торговой статистикой в Сибстатуправлении, с августа 1925 г. – заведующий Бюро лицензий по экспорту и импорту Сибири, а затем секретарь дирекции в Сибгосторге (с 24 марта 1926 г.)³³.

Как и в дореволюционную пору, Г.И. Жерновков вступает в 1920-е гг. в несколько общественных организаций культурного и научного профиля. 5 мая 1924 г. он становится членом Общества «Долой неграмотность», а затем избирается в члены Правления Сибирского отдела этого общества. 1 октября 1927 г. Жерновков получает справку о своем членстве в Обществе изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС), организованном двумя годами ранее группой ведущих сибирских ученых. Григорий Иванович состоит в ОИС в секции по истории и экономике Сибири, ему присвоен статус научного работника.

Получают развитие и садово-плодовые пристрастия Г.И. Жерновкова. Заглядывая к отцу в с. Коурак, он организует здесь в 1927 г. плодово-ягодный сад на площади в 4 га, отведенных ему сельсоветом.

По мере развития новой экономической политики советская власть вынуждена возвращать в практику гражданского судопроизводства некоторые отвергавшиеся ранее правовые формы. Место революционных трибуналов заняли гражданские суды и вновь потребовались кадры судебных защитников, которых, правда, не называли словом «адвокаты». В 1926 г. Г.И. Жерновков возвращается на два года к адвокатской порофессии, он включен в состав Коллегии защитников Окружного суда. Произошли некоторые подвижки и в идейной позиции Г.И. Жерновкова как областника. В 1920-е гг. он стал одним из лидеров и идеологов так называемого «советского областничества». Суть состояла в том, что Жерновков и его единомышленники стали утверждать, будто советская власть фактически осуществляет программу областников, установив автономию Сибири в виде специальной административно-территориальной единицы – огромного Сибирского края и дав национальные автономии народам Сибири³⁴.

Мирное творчество оборвалось неожиданно и без видимых причин. 5 января 1928 г. Г.И. Жерновков был арестован ОГПУ по обвинению в «антисоветской агитации». Решением коллегии Полномочного представительства ОГПУ по

Сибирскому краю от 25 мая 1928 г. Жерновков был приговорен к двум годам ссылки³⁵. Косвенные свидетельства говорят о том, что ссылку Григорий Иванович отбывал в с. Коурак в доме отца. Здесь он продолжал ухаживать в 1928-1929 гг. за высаженным годом ранее плодовым садом.

Г.И. Жерновков – член коллегии защитников, в тюремном изоляторе ОГПУ. Новосибирск, 1928 г.

Вскоре после освобождения из ссылки в 1930 г. Г.И. Жерновков был вновь арестован ОГПУ. Узнать, с чем был связан этот арест, сегодня уже невозможно: согласно справке из Управления ФСБ России по Новосибирской области, документов об этом событии в архиве не сохранилось. Жерновков был отпущен без предъявления обвинений. 10 ноября 1930 г. он поступил на работу в Сибирский филиал НИИ кожевенной промышленности ВСНХ на должность научного секретаря-плановика. Через год, 6 декабря 1931 г. Григорий Иванович был уволен с должности с формулировкой «за систематические опоздания на работу». Но возможно, настоящая причина увольнения состояла в другом. В одном из заявлений жены Г.И. Жерновкова Александры Макаровны, написанном в связи с незаконным отъемом дома у отца Жерновкова (о чем речь пойдет ниже) говорится, что Григорий Иванович от перенесенных потрясений «заболел нервным расстройством и попал в краевую психбольницу»³⁶. Перед этим, с 1 апреля по 7

августа 1932 г. он еще успел поработать в тресте «Сибстройпуть» инженером-экономистом планового отдела.

А удар по социальному самочувствию Г.И. Жерновкова и его семьи был действительно очень сильным. Весной 1931 г. Коуракский сельсовет решил «раскулачить» 82-летнего старика, бывшего священника Ивана Ивановича Жерновкова, отца Григория Ивановича. Из дома, который он с сыном построил в 1908-1909 гг. (после оставления И.И. Жерновковым службы священника), беспомощного старика выселили в некий «коллективный дом». Предварительно местные деятели из Коуракского сельсовета, угрожая И.И. Жерновкову принудительными работами, заставили его сдать 150 руб. на облигации займа 1-й пятилетки и еще 150 руб. «на трактора» (так называемое твердое задание – «троекратка», накладывавшееся на бывших «эксплуататоров» и «классовых врагов», не считая «налога» в 46 пудов пшеницы. Все это делалось без какого-либо письменного оформления. Дом с фруктовым садом, разведенным Г.И. Жерновковым, по заявлению сельсоветчиков, также был, якобы, продан И.И. Жерновковым сельсовету за 200 руб. (при рыночной стоимости в 2-3 тыс. руб. и страховой в 1200 руб. по ценам 1931 г.). Никаких документов о такой «продаже» в сельсовете при дальнейшей проверке тоже не оказалось («их потеряли»), а полученные от «продажи» 200 руб. так и не были оприходованы.

Возмущенный Г.И. Жерновков, используя знание советских законов, приступил к борьбе за возвращение отчего дома. В надзорные органы советской юстиции в 1931-1932 гг. ушли заявления от пострадавшего И.И. Жерновкова и А.М. Жерновковой, составленные Григорием Ивановичем (все черновики этих документов написаны его рукой). Указывая на явные признаки корыстных махинаций со стороны коуракских сельсоветчиков, авторы писем добились прокурорского расследования, которое тянулось, однако, четыре года. За это время коуракские власти как могли тормозили следствие, а материалы дознаний, проводимых участковыми милиционерами и помощниками прокурора, бесследно исчезали. Между тем старик И.И. Жерновков, сын которого находился в психиатрической клинике, по словам невестки, «впал в нищету» и страдал от «мук голодания». В 1934 г., когда следствие по делу об отнятии дома как будто установило незаконность действий коуракских сельсоветчиков, бывший «поп» и «лишенец», ссылаясь на распоряжение старшего милиционера с. Коурак о возврате

ему дома, написал заявление председателю сельсовета Шарыпову, что он, И.И. Жерновков, приступает «к полному распоряжению моим домом по усмотрению моему».

Но... советские законы отличались необязательностью и произвольным характером их исполнения. 9 декабря 1935 г. коуракский райисполком оповестил 86-летнего И.И. Жерновкова «выпиской из протокола» о том, что его дом реквизируется местной властью, поскольку он «выстроен на общественные средства, собранные с населения» (имелось в виду «неправедное» существование священника в прошлом на средства прихожан). Дело о незаконности отчуждения дома на этом было закрыто. Г.И. Жерновков и его родственники потерпели ощутимое поражение в борьбе с «классовым» правосудием. И.И. Жерновков умер 5 мая 1937 г.

В томской психолечебнице (краевой для Западно-Сибирского края) Г.И. Жерновков находился до 1936 г. Видимо, здесь у него появилось решение полностью порвать с прежней деятельностью и переквалифицироваться в садовода, работника мичуринского движения. В 1935-1936 гг. он являлся садоводом-инструктором корреспондентского мичуринского пункта при Томской психиатрической больнице. Выйдя из больницы после лечения, Григорий Иванович имел уже значительные знания по своей новой профессии. Некоторое время Жерновков работал на зональной опытной станции в с. Бердск. 15 сентября 1936 г. он был принят Западно-Сибирской краевой станцией плодоводства на работу заведующего опорным пунктом по плодово-ягодным культурам Немецкого района Западно-Сибирского края. Опорный пункт действовал в с. Красное на базе колхоза «1 мая».

Выезжая к месту новой работы, Г.И. Жерновков имел задание заложить на площади в 5 га посадку опытных сортов плодово-ягодных культур, отобранных в Зональной опытной станции и пригодных сортов, найденных на месте. Как писал Жерновков в своем докладе, прибыв к месту назначения, он «нашел» необозримые степные просторы Кулунды и никакого намека на заготовленный земельный участок в 5 га под мичуринский опорный пункт³⁷.

Первые же шаги Г.И. Жерновкова по организации работы опорного пункта встретили препятствия со стороны местной бюрократии. Заведующий районным отделом землеустройства категорически отказал ему в прирезке участка опытного

пункта на землях колхоза, ссылаясь на принятый 17 февраля 1935 г. типовой «Устав сельскохозяйственной артели». Землю под опорный пункт выделили на смежном с колхозом «1 мая» участком Государственного земельного фонда – и не 5 га, а 24, поскольку вдогонку назначению Жерновкова последовала директива Зональной опытной станции об увеличении площади опорного пункта до 24 га.

Григорий Иванович энергично взялся за работу. За восемь месяцев, проведенных в должности заведующего, он заказал для посадки на территории опорного пункта несколько сот единиц саженцев и корней плодово-ягодных культур. В Центральном НИИ им. И.В. Мичурина были заказаны мичуринские сорта на весну 1937 г., от Новосибирской зональной опытной станции в Бердске – 936 корней яблонь, акклиматизированных в Сибири, от Новосибирского горзеленстроя – сеянцы степной вишни трех сортов, в Сибирском институте сельского хозяйства (Омск) были заказаны яблони и груши-стланцы. Плодово-овощные культуры поставила в Кулунду Барнаульская зональная опытная станция, через экспедицию АН СССР в Тарбагатай (Бурятия) было дано задание достать саженцы дикой горной яблони. Тимирязевскому совхозу № 19 в Курской области заказали саженцы груш и яблонь. Решаясь на эксперименты по акклиматизации, Г.И. Жерновков послал Арсланбобскому опорному пункту ВНИИ сухих субтропиков в Киргизию заявку на грецкий орех, фисташки, яблони, грушу, алычу. В Вавиловский ВИР ушли заказы на орехоплодные культуры (лещина, каштан), на сахалинскую гречу и канадский рис, на Дальневосточную плодово-ягодную станцию Супутинка – на войлочную вишню, маньчжурский орех и др.

Практическая работа шла одновременно с научной. Г.И. Жерновков организовал опрос 50 колхозов Немецкого района об имеющемся в районе сортовом плодово-ягодном материале, собрал анкетные сведения о сортовом составе садов Немецкого района, лично провел учет в 20 колхозах плодово-ягодных и лесозащитных насаждений, составил план их посадок на весну и осень 1937 г. Жерновков принял меры к оборудованию местной гидрометеостанции в районном центре Гальбштадт почвенными термометрами. Крайне дефицитный товар – термометры – были закуплены за счет МТС Гальбштадта. Жерновков организовал изучение режима снегозадержания в колхозе «1 мая» и таблицы с данными посылал в Западно-Сибирское краевое лесоуправление. Осенью 1936 г. было заготовлено 1300 ям для будущих саженцев, из них около 500 тогда же

засадили корнями по определенной тематике, в зависимости от режима питания растений.

Не забытыми оказались подготовка кадров садоводов и популяризаторская работа среди подрастающего поколения молодежи. Весной 1937 г. Г.И. Жерновков провел в колхозе месячные курсы плодоводства, пригласив курсантов со всего района. В районной Гальбштадтской школе крестьянской молодежи он организовал фенологические наблюдения, в том числе – над сортами плодовых растений. Здесь же Григорий Иванович создал кружок «юных мичуринцев», охвативший все семь немецких и русских классов.

Втянувшись, по его словам, в «широкую краевую работу по борьбе за восстановление урожайности Кулунды и Обь-Иртышский канал», Г.И. Жерновков получил приглашение от редакции районной газеты «Роте Фане» («Красное знамя») на серию статей «Беседы о Кулунде» на тему мелиорации степей. Три статьи были написаны и переведены на немецкий язык, но затем, с отъездом автора, взяты из редакции.

Понимая недостаточность своих естественнонаучных знаний «в пределах лишь первого курса программы медицинского факультета», Г.И. Жерновков в январе 1937 г. списался с Мичуринским вузом и взял 6-месячный курс заочного обучения на агронома-техника с добавлением дисциплины агрохимии, с намерением специализироваться в научной теме «Химизм морозостойкости».

Все это было прервано неожиданно, внезапно и без видимых (для Жерновкова) причин. 9 мая 1937 г. заведующий отделом плодоводства Западно-Сибирского краевого земельного управления направил заведующему Немецким районным земельным отделом письмо с пометкой «лично». Дословное содержание этой записки вскоре узнал и сам Григорий Иванович. Там было две строчки: «По распоряжению зав. КрайЗу немедленно снимите (! – так А.П.) с работы Жерновкова (!), который назначен не КрайЗу, а краевой станцией плодоводства». Г.И. Жерновков пытался протестовать, тем более что в «Положении» об опорных пунктах по плодоводству, утвержденном КрайЗУ 15 октября 1936 г., прямо указывалось, что заведующий пунктом «назначается непосредственно краевыми зональными станциями». Григорий Иванович пишет в Бердск дирекции зональной станции и в Мичуринск – в Центральный НИИ им. Мичурина. Он предлагает обеим

инстанциям провести ревизию его работ и лишь после этого решить его судьбу как руководителя опорного пункта.

Но события развертывались стремительно. Почти сразу после отстранения Жерновкова в колхоз «1 мая» приехал для приемки и сдачи дел инструктор колхозного опытничества зональной опытной станции некто С.В. Сорокин, который заявил (не предъявляя письменных полномочий), что он уполномочен КрайЗУ ликвидировать посадки опорного пункта на заложенном участке в 24 га и тотчас распорядился выкопать посаженные 500 корней яблонь, перенеся их на 1600 метров ближе к с. Красному. Пересадка, как писал Г.И. Жерновков в Мичуринск, проведена без соблюдения опытного тематического плана, а «организованное опытное поле по всем правилам научно-четкого, культурного плодоводства, заброшено со всеми возведенными на нем постройками». Ущерб, по подсчетам Жерновкова, составил 12 тыс. руб. В создавшейся ситуации Григорий Иванович, как он написал в отчете «решился приехать в Мичуринск, чтобы подвергнуть себя ревизии по сохранившимся документам, а если угодно, и экзамену перед Научным советом ЦНИИ им. Мичурина»³⁸.

Сегодня, с высоты нашего знания об эпохе, мы можем почти определенно говорить о том, что Г.И. Жерновков, очевидно, подозревал. Неожиданные и внешне беспричинное снятие Жерновкова с руководящей должности скорее всего означало, что в отношении него велась так называемая «оперативная разработка» НКВД.

К своей поездке в головное учреждение советского плодоводства – ЦНИИ им. Мичурина – Григорий Иванович относился исключительно серьезно. Возможно, и сама поездка была задумана как попытка бегства от местных органов «хватательного» ведомства. Свои мысли и переживания Г.И. Жерновков доверял дневнику, который он начал вести в 1936 г. в колхозе «1 мая», став заведующим опытным пунктом. 20 августа 1937 г. он делает запись в дневнике, уже находясь в Мичуринске Воронежской области. Пребывание в Мичуринске, общение Жерновкова с сотрудниками ЦНИИ отражено в дневнике особенно подробно.

В распоряжении автора настоящих строк находятся 3 тетради дневника Г.И. Жерновкова из предполагаемых пяти или шести. Повествование в них доведено до 27 сентября 1937 г. Публикация этого поразительного человеческого документа и его анализ – дело будущего. Пока следует отметить, что дневник, начатый

Жерновковым для фиксации фактов своей работы, приобрел в 1937 г. и некоторые другие функции. Предполагая, по-видимому, свой арест, Григорий Иванович заносит в дневник тексты, которые могли бы служить подтверждением лояльности советскому режиму и доказывать его честный труд во благо государства. В одном из рассуждений Жерновков расхваливает НКВД, которое, де, не чета тупицам из ОГПУ образца 1928 г. Сегодняшнее НКВД, по записи Жерновкова – компетентное и умное учреждение, которое не занимается прежними глупостями, разыскивая вредителей там, где их нет. Запись явно навеяна советской пропагандой, она звучит как заклинание, в силу которого автор дневника верил и не верил.

В записях дневника, сделанных в Мичуринске, прорывается обида Григория Ивановича на начальников ЦНИИ им. Мичурина. Бывая каждый день в институте, познакомившись со знаменитыми опытниками-«мичуринцами», Жерновков встретил благожелательный прием со стороны ученых ЦНИИ, некоторые из которых взялись помогать сибирскому плодоводу в обретении теоретических и практических знаний. Жерновков начал принимать участие – без зарплаты, на общественных началах – в проведении некоторых селекционных опытов и другой текущей работы. Но 15 сентября 1937 г. он был неожиданно вызван к директору ЦНИИ В.А. Одинцову, от которого получил официальное уведомление о запрете свободного передвижения по лабораториям института и работы с его сотрудниками. Вы, говорил директор Григорию Ивановичу, больше месяца «здесь живете без всяких определенных занятий и постоянно Вас видно то тут, то там в стенах нашего инстиутта. Этого не должно быть»³⁹. Жерновков был уязвлен и раздосадован, он не жалеет на страницах дневника критических красок и желчи по адресу чиновных бонз из Мичуринского НИИ.

К слову сказать, и в Мичуринске Г.И. Жерновков не утратил такого свойства старой интеллигенции как критическое мышление. Познакомившись с текущей практикой работы ЦНИИ и наслушавшись его ученых начальников, сделал выводы отнюдь не комплиментарного свойства. Во многих сделанных для себя записях на отдельных листах, отчасти и в дневнике он критикует ученых «мичуринцев» за отрыв науки от жизни. Жерновков записал фразу из доклада И.В. Калашникова, которая поразила сибиряка фанфаронским прожектёрством: «Мичуринские новые методы управления жизнью растений [нужно] внедрить во всесоюзную практику плодоводства, – говорил докладчик. – Через пятилетку мы будем управлять

плодовым деревом как любой машиной». Услышав такое, Г.И. Жерновков не мог сдержать эмоций и изложил их на бумаге лично для себя. Он пишет: «Демонстративная внешность наших успехов в развитии плодоводства делится на такие стадии: 1) Парад съездов и конференций, доклады; 2) Фасад красочных выставок, где массовый успех часто заменяется трюками рекордсменства в плодоводстве; 3) Методы перевыполнения плановых заданий ... путем подсчета перевыполнения плана неизвестными методами подсчета»⁴⁰.

Жерновкова гложет тоска по оставленной им Сибири. В его бумагах сохранился листок со стихотворением «Моя Сибирь», написанном им, как гласит помета, 22 октября 1937 г. в Мичуринске. Безыскусные строки рисуют настроения бывшего областника, волею судьбы заброшенного в чужие края: «Уж шесть десятков отсчитала / Мне жизнь сибирская моя. / Но сердце биться не устало, / Мечты и мысли вдаль манят» ... «Сибирь я вижу не седую, / Под белым саваном в снегах. / Нет! В солнце летнем молодую, / Всю в белорозовых садах, / Как краснощекую деваху / С сибирским яблоком в зубах».

В том же октябре 1937 г. Г.И. Жерновков пишет заявление в Отдел колхозного плодоводства Наркомзема РСФСР, прося зачислить его в число слушателей-курсантов двухмесячных курсов сибиряков-агрономов при Мичуринском вузе, которые проводятся с 20 октября по 20 декабря 1937 г. «По 1 января 1938 г., – сообщает он, – я свободен от производственной работы и хотел бы мое пребывание в г. Мичуринске употребить для учебы и повышения квалификации по дисциплинам агрохимии, агротехники и др.». При этом Жерновков добавляет: «С 1 января 1938 г. буду заведовать опорным участком производственного сортоиспытания мичуринских сортов при кооперативно-производственной артели инвалидов им. Тельмана в с. Коурак Тогучинского района Западно-Сибирского края. Основная цель поступления на двухмесячные курсы сибиряков-агрономов – систематизировать мои отрывочные знания пловода-практика и усвоить практически техприемы по анализам почв и почвенных удобрений»⁴¹.

Неизвестно удалось ли Г.И. Жерновкову попасть на курсы сибирских агрономов. Документы о последних пяти месяцах его жизни отсутствуют. Но в Сибирь он вернулся и действительно работал садоводом Коуракской сельхозартели. 8 марта 1938 г., находясь на этой службе, Г.И. Жерновков был

арестован органами НКВД в Новосибирске по обвинению в причастности к мифической «эсеро-монархической организации». 10 апреля 1938 г. тройка УНКВД по Новосибирской области приговорила его к расстрелу по статье 58-2,8,11 УК РСФСР. 10 июля 1938 г. Г.И. Жерновков – последний из оставшихся к этому времени в живых сибирских областников – был расстрелян в Новосибирске.

Реабилитация Григория Ивановича заняла немало времени. По второй судимости (1938 г.) он был реабилитирован определением Военного трибунала СибВО 10 мая 1957 г. По первой судимости (1928 г.) реабилитация, по заключению прокуратуры Новосибирской области, наступила только 6 сентября 2002 г.⁴² Жизненный путь, работа и творческое наследие Г.И. Жерновкова будут вновь и вновь привлекать внимание сибирских историков, видящих в нем незаурядного человека, литератора и ученого.

Примечания:

¹ Гордеев О.Ф. «Американская модель федерации» в областнических проектах федеративного устройства Сибири в 1917 г. // Учитель жизни. К 75-летию В. В. Гришаева: сб-к науч. трудов / науч. ред. А.Г. Грязнухин; Сиб. федер. ун-т. – Красноярск, 2010. – С. 79–89 ; Шелягина Е.Ю. Взгляды сибирских областников на перспективы политического развития Сибири // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (К юбилею проф. Е.И. Соловьевой: материалы науч.-практической конф. (Новосибирск, 15–16 апр. 2004 г.)). – Новосибирск, 2004. – С. 247–251.

² См. например: Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-5. Оп. 6. Д. 236. Л. 13–15, 46.

³ Анкета Г.И. Жерновкова находится в составе корпуса анкет членов Общества изучения Сибири и ее производительных сил: ГАО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 262. Л. 153.

⁴ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977. Оп. 1. Д. 33300 (личное дело студента Казанского университета Г.И. Жерновкова). Л. 12; Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. П-6601, П-4889 (архивно-следственные дела Г.И. Жерновкова).

⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 33300. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 19, 25.

⁷ Там же. Л. 20 об. - 21.

⁸ Там же. Л. 24.

⁹ Там же. Л. 20, 40, 26-26 об, 28.

¹⁰ Там же. Л. 35- 35 об.

¹¹ Там же. Л. 40.

¹² Там же. Л. 37.

¹³ Там же. Л. 43, 45.

¹⁴ Жерновков Г.И. Снова к вопросу о высшем сельскохозяйственном учебном заведении // Обская жизнь. – Новониколаевск, 1910. – 22 сент. (№ 207).

¹⁵ Жерновков Г.И. Сибирь и правительство // Сиб. вопросы. – СПб., 1907. – № 2 ; То же [Отд. издание]. – Новониколаевск : Тип. Н.П. Литвинова, 1907. – 10 с.

¹⁶ [Жерновков Г.И.]. Сибирские письма // Сиб. вопросы. – 1908. – № 3–4. – С. 63–67. – Подп. Г. Иванович.

¹⁷ См.: ГАНО. Ф. Д. 38. Оп. 1. Д. 51–117.

¹⁸ Там же. Д. 104 («Дело о защите Н.П. Литвинова, обвиняемого в клевете на И.А. Мелихова в газете «Обская жизнь», 1913–1915 гг.); Д. 117 («Дело по обвинению главного редактора газеты «Алтайское дело» И.С. Ушакова в клевете», 1915–1917 гг.) и др.

¹⁹ Жерновков Г.И. Наши письма: К открытию Общества изучения Сибири в Новониколаевске // Обская жизнь. – Новониколаевск, 1911. – 2 дек.

²⁰ В советские годы Г.И. Жерновков передал разросшийся сад как маточный (плодовый) заповедник новосибирскому горзеленстрою.

²¹ См.: Посадсков А.Л. Жерновков (Жернавков) Григорий Иванович // Средства массовой информации Новониколаевска – Новосибирска. 1906–2006: словарь-справочник / авт.-сост. А.Л. Посадсков, И.В. Лизунова. – Новосибирск, 2007. – С. 361.

²² Литвинов Н.П. Лукавым и их братии. // Свободная Сибирь. – Новониколаевск, 1917. – 16 апр.

²³ Смета расходов г. Новониколаевска на 1917 г. – Личный архив Ю.А. Мамонова. Коллекция документов Г.И. Жерновкова.

²⁴ Жерновков Гр. Сибирская областная федерация: (Опыт схематического построения Сибирской федерации) // Сиб. записки. – Красноярск, 1917. – № 4–5. – С. 124–154 ; То же. [отд. издание] / Изд. журн. «Сиб. записки». – Красноярск, 1917. – 20 с. В Новосибирской областной научной библиотеке хранится экз. из личной библиотеки Г.И. Жерновкова, обложка этого экземпляра содержит надпись автора: «Моя статья “Сибирская областная федерация”», а также текст испещрен правкой зеленым, синим и красным карандашом, вставками и приписками на полях, выделением текста скобками и т. д. Очевидно, автор продолжал работать с мыслями статьи в более позднее (советское ?) время. В конце текста статьи Жерновков карандашом приписал дату ее создания: «май 1917 г.».

²⁵ Гордеев О.Ф. «Американская модель федерации» в областнических проектах федеративного устройства Сибири в 1917 г. // Учитель жизни. К 75-летию В.В. Гришаева: сб-к науч. трудов / науч. ред. А.Г. Грязнухин; Сиб. федер. ун-т. – Красноярск, 2010. – С. 87.

²⁶ Расположенная поблизости деревня Сростки, как известно, является родиной В.М. Шукшина. Существует мнение, что отец писателя в молодости работал на этом «литвиновском» курорте.

²⁷ Протокол заседания Правления товарищества «Трудкурорт» от 3 июля (20 июня) 1918 г. и др. документы товарищества. – Личный архив Ю.А. Мамонова. Коллекция документов Г.И. Жерновкова.

²⁸ Жерновков Гр. Из жизни «Трудкурорта». // Народная Сибирь. – Новониколаевск, 1918. – 21 нояб. (№ 115). – С. 3.

²⁹ Докладная записка Сибирскому Временному правительству (по военному ведомству) от уполномоченного Первого Сибирского кооперативно-трудового товарищества по эксплуатации лечебных мест Сибири Г.И. Жерновкова. – Личный архив Ю.А. Мамонова. Коллекция документов Г.И. Жерновкова.

³⁰ Жерновков Гр. На заре сибирской истории. – Новониколаевск: Тип. «Союзбанк», 1919. – 35 с. : илл.

³¹ Ранее, с 10 апреля 1920 г., Георгий Иванович работал «лаборантом-инструктором» музейной секции уездного отдела народного образования «по отделу социологии». (Удостоверение, выданное В.А. Анзиминым Г.И. Жерновкову. – Личный архив Ю.А. Мамонова. Коллекция документов Г.И. Жерновкова).

³² См.: Жерновков Г.И. С чего начинать: (О задачах краеведения). // Жизнь Сибири. – Новониколаевск, 1923. – № 8.– С. 81–88

³³ Указанные здесь далее сведения о службе Г.И. Жерновкова в советских учреждениях взяты из его «Трудового списка» (трудовой книжки), хранящегося в личном архиве Ю.А. Мамонова в составе коллекции документов Г.И. Жерновкова.

³⁴ Посадсков А.Л. «Советское областничество» 1920-х гг.: тенденция, провокация, миф? // Культура и интеллигенция России между рубежами веков. Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX – начало XXI в.): материалы V Всеросс. науч. конф. с междунар. участием. – Омск, 2003.– С. 221-224.

³⁵ Справка Управления ФСБ по Новосибирской области № 4–11/4889 от 13 ноября 2007 г.

³⁶ Заявление А.М. Жерновковой уполномоченному советского контроля за революционной законностью по Западно-Сибирскому краю [Декабрь 1935 г.]. – Личный архив Ю.А. Мамонова. Коллекция документов Г.И. Жерновкова.

³⁷ Докладная записка об организационных работах опорного пункта Немецкого района Западно-Сибирского края. За период с 15 сентября 1936 г. (момент вступления на работу) и по 15 мая 1937 г. (момент снятия с работы) заведующего опорным пунктом Жерновкова Г.И. – Личный архив Ю.А. Мамонова. Коллекция документов Г.И. Жерновкова.

³⁸ Там же.

³⁹ Дневник Г.И. Жерновкова. Тетрадь № 3. – Личный архив Ю.А. Мамонова. Коллекция документов Г.И. Жерновкова.

⁴⁰ Записка Г.И. Жерновкова «К конспекту: что можно дать в будущем» [1937]. – Личный архив Ю.А. Мамонова. Коллекция документов Г.И. Жерновкова.

⁴¹ Заявление Г.И. Жерновкова – в Наркомзем РСФСР [1937 г.]. – Личный архив Ю.А. Мамонова. Коллекция документов Г.И. Жерновкова.

⁴² Справка Управления ФСБ по Новосибирской области № 4/11-4889 от 13 ноября 2007 г.